

ея сердце или ея тѣло загорались и она переживала тогда періодъ сильной страсти, длившейся нѣсколько недѣль или нѣсколько мѣсяцевъ, смотря по физическимъ или нравственнымъ качествамъ ея любовника.

То были счастливыя минуты ея жизни. Она любила всей душой, всѣмъ существомъ своимъ, пылко, восторженно. Она бросалась въ любовь, какъ бросаются въ рѣку съ головой, чтобы утонуть, готовая умереть, если надо, упоенная, обезумѣвшая, но ужасно счастливая. И каждый разъ она воображала, что ничего такого до сихъ поръ не испытывала: и очень удивилась бы, еслибъ ей напомнили другіе случаи, когда она также безумно мечтала цѣлыя ночи на пролетъ, глядя на звѣзды.

Саваль очаровалъ ее. Она думала о немъ, убаюканная воспоминаніемъ, въ блаженномъ экстазѣ счастья совершившагося, такого счастья, которое уже далось въ руки и не подлежитъ сомнѣнію.

Шумъ за ея спиной заставилъ ее обернуться. Иветта вопла въ томъ же платьѣ, что и днемъ, но блѣдная и съ блестящими глазами, какъ послѣ сильнаго утомленія.

Она оперлась на открытое окно, напротивъ матери, и сказала:

— Мнѣ надо съ тобой поговорить.

Маркиза, удивленная, глядѣла на нее. Она любила ее эгоничной материнской любовью, гордась ея красотой. Сама она была еще слишкомъ хороша, чтобы завидовать дочери, и слишкомъ равнодушна, чтобы составлять тѣ планы, которые ей приписывали, но однако настолько хитра, чтобы сознавать всю цѣнность такой красоты.

Она отвѣчала:

— Говори, дитя мое, что такое?

Иветта пристально глядѣла на нее, стараясь прочесть въ ея душѣ, схватить малѣйшее впечатлѣніе, произведенное ея словами.

— Вотъ. Случилось нѣчто необыкновенное.

— Что же такое?

— Сервиньи сказалъ, что любить меня.

Маркиза, встревоженная, ждала, что будетъ дальше. Но такъ какъ Иветта умоляла, то спросила:

— Какъ же онъ сказалъ тебѣ это? объяснись.

Но молодая дѣвушка усѣлась у ногъ матери, въ обычной ласковой позѣ и, взявъ ея за руки, объявила:

— Онъ предложилъ мнѣ выйти за него замужъ.

У m-me Обарди вырвался жестъ удивленія и она вскричала:

— Сервиньи! да ты съ ума сошла!